

«Талант – это просто, это переживать за других»

Виктор Лошак, журналист:

Всю свою долгую писательскую жизнь он подписывался так: «Всегда неподалеку. Ваш Жванецкий». Для родного города он точно был рядом.

Когда в Одессе один человек звонит другому и сообщает: «Миша приехал», его никогда не переспросят: «Какой?»

Жванецкий действительно будто один имел право на это имя.

Летом, когда мы жили на даче, фраза «Рая так волнуется за Мишу» была нашим утренним рефреном. Наша бабушка Зина и мама Миши каждое утро, пока Большой Фонтан не накрывал первый приступ жары, вместе плавали на пляже 10-й станции. После сообщения о волнениях Раисы Яковлевны бабушка всегда спрашивала у меня: «Что вы там в Москве себе думаете?» Это был вопрос, вбравший в себя всю, пожалуй, жизнь: подорожание, реформы Горбачева, недостаточно тепло одетую лютой столичной зимой правнучку...

Жванецкие жили на улице Старопортофранковской, 133. Старый дом, увитый виноградом двор, двери многократно перестроенных квартир выходили на круговую веранду... Отец был участковым терапевтом и в том самом стареньком Мишином концертном портфеле «носил истории болезней, а теперь я ношу историю болезни, только большую, общую». Портфель был такой старый, что Миша укладывал его в другой портфель. Ветхость кожного изделия спровоцировала многих на одинаковый подарок: за жизнь Михал Михалыч получил десятки новых портфелей. Даже в близком кругу кто-нибудь обязательно дарил ему портфель на день рождения. В этот вечер, 6 марта, Жванецкие обязательно собирали самых близких в «Академии» на Остоженке.

Осенью Миша отмечал конец творческого сезона. Пока Украину не сделали «заклятым врагом», друзья слетались каждый сентябрь в Одессу. Все набивались на баржу, которая целый день весело ползла по Днестру. Варили уху. Сидя во главе длинного стола, Жванецкий читал написанное за лето.

Последние годы баржа уже отходила из Ростова. Хозяева очень старались, но прививка местной элите Мишиной сатиры не сказать, чтобы была очень успешной. На берегу Дона установили памятник Жванецкому, ростовские казачки его регулярно громили. Чинить приходилось ежегодно.

Летом на даче в Аркадии Жванецкий писал много и с желанием. Рядом был город, который питал его. У Миши было множество маленьких блокнотиков с листочками на спиральке, один он обязательно носил с собой. Большими округлыми буквами записывал услышанное. Кажется, какие-то фразы перенес в свой портфель, не меняя: «Не можешь любить? Сиди дружи», «Имей совесть и делай, что хочешь», «Все идет хорошо, но мимо»...

Никогда не скрывал, с каким трудом заставляет себя сесть и работать. Все затихает, радио, телевизор выключены, закрывается балкон, все равно что-то не так, захлопывается и форточка... Из этой борьбы вышла знаменитая фраза: «Не мешайте моему одиночеству – не оставьте меня одного».

В эти моменты, наверное, особенно хорошо было видно, что Жванецких двое – талант и человек. Человек – осторожный, сибарит, склонный к лени и застолию. Талант хватает за руку и тянет к письменному столу, к рискованной сатире, взлетает в философские выси и пикирует вниз со свежей остротой наперевес... «Талант – это просто, это переживать за других».

Когда талант Миши бил по политическим целям, я не уверен, что человек был его наводчиком: «Наши взаимоотношения с Америкой – ненавидеть и подражать», «Патриотизм – это четкое, ясное, аргументированное объяснение, почему мы должны жить хуже других», «Конечно, у нас свет в конце тоннеля есть, но что же тоннель, сука, никак не кончается...»

Талант сжимал килограммы литературной породы до фразы, до абзаца, до страницы текста, а человек нередко вздыхал, что не признают его своим настоящим писателя. Ведь и правда, нет у него ни романа, ни повести,

ни тем более большого собрания сочинений.

Удивительно, какой повышенной ранимости была личность, сама носящая целый колчан сатирических стрел.

Стоило кому-то плохо сказать или написать о нем, сравнить не в его пользу с каким-нибудь эстрадным, и Михал Михалыч раскисал, по многу раз переспрашивал у Олега Сташкевича, верного друга и литературного секретаря, так ли это все на самом деле, как о нем высказались.

Самостоятельную жизнь Жванецкий начал дежурным механиком порталных кранов в Одесском порту. Его будущий актер Виктор Ильченко в его же смене отвечал за погрузку. Рома Карцев в это время налаживал швейные машинки на фабрике имени Воровского. Потом они создали театр «Парнас», и увидевший спектакль Аркадий Райкин пригласил Карцева и Ильченко к себе в Ленинград. Жванецкий поехал за ними следом, несколько лет писал для Райкина. Потом они вернулись в Одессу и создали уже свой театр миниатюр. С работы у Райкина началась большая всесоюзная популярность Жванецкого.

Советская власть дозировала сатиру, но окончательно не запрещала. Та жизнь Жванецкого – опыт одиночного сопротивления. «Сражение муравья с готическим стилем», как позже он же и

написал. Не раздавили муравья просто потому, что на взгляд власти был он слишком мелок. А кроме того, в 70–80-е на фоне стариков, насмерть ухватившихся за власть, все были немножко оппозиционерами. Кому-то можно было и разрешить щекотать нервы, например, Высоцкому, Жванецкому... Но без издания книг, без больших концертов, без заграничных, не дай бог, гастролей. Мишу не раз звали выступить для узкого круга, где сатирик смешил по сути тех, кого и высмеивал. Его жизнь в те годы была таким странным счастьем с трагической подкладкой. Впрочем, так же верно и обратное. Человек и тут звал его вписаться в уютную, со всеми земными радостями жизнь, а талант тянул к сопротивлению.

Великая Изабелла Юрьева в интервью на мой вопрос «Что такое слава?» ответила: «Это когда ты въезжаешь летом в дачный поселок и слышишь, как из всех открытых окон доносится твоя пластинка». Вот что такое народный артист! Кассеты со Жванецким крутили все и всюду. «Как-то засиделся у Визбора, – рассказывал он мне, – какой-то парень предложил подвезти. Едем. Он говорит, мол, долго работал в Лондоне... Ну, в общем, работал... Срочно отравили назад. Провожали двое, которые всегда и следили. «Все про вас понимаем, – говорят, – кроме

одного: почему вы всегда так хохотали, когда ставили кассету с мужским голосом? Что он там такое говорил?»

Мало кто так любил своего зрителя и читателя, как Жванецкий. Трудно выходил на сцену – много лет пересечение границы между тьмой закулисья и светом рампы давалось ему тяжело. Но вот он произносит свое извечное: «Ну что, пацаны?», расстегивает портфель, гора исписанных листков, кажется, вот-вот разлетится по сцене... Начинается магия. В первом иностранном фильме о Михале Михалыче, сделанном немцами, они снимают его в переполненном «Юбилейном». За кадром авторы размышляют о загадках русской души: три часа десять тысяч слушают одного, смеются, плачут, замолкают... Что происходит?

Миша много написал о женщинах. Ему везло в любви, везло и с женами. Но самой ценной его находкой была Наташа. Всегда удивляло, как все двадцать пять лет их общей жизни этой красавице хватает такта не выходить на первый план, заботиться о Мише без пафоса, жить вдали от нравов богемы.

«Господи, – написал Жванецкий, – как я ненавижу тех, кто меня не любит!» А есть ли такие? Впрочем, и они не были бы для него сюрпризом: «Любовь не может кончиться хорошо». Сегодня мы это почувствовали.

Савва Либкин, ресторатор:

Со Жванецким я познакомился десять лет назад, когда он обедал с приятелем на «Даче». Я тогда подошел к их столику на правах хозяина заведения, и слова застревали у меня в горле – боялся сказать что-нибудь лишнее. Позднее я понял, что был прав: лучшая тактика общения со Жванецким – не говорить, а слушать.

Его творчество сопровождало меня с самой юности. Сначала в исполнении Райкина, Карцева и Ильченко, затем – в его неповторимом авторском чтении. Тексты Жванецкого были чем-то вроде общенародных анекдотов – их знали и любили все. Он описывал время и жизнь совершенно особенным способом, и этот взгляд на вещи во многом сформировал мое мировоззрение – думаю, не только мое.

Когда он стал читать свои тексты сам, они стали другими: юмористический тон сменился тоном повествователя. Позднее его стиль изменился снова: тексты стали более объемными, обращенными уже к другой аудитории – скорее к читателю, а не к слушателю. Последние десять лет его творчества – это уже был не юмор ради смеха, а философия с едва заметной улыбкой. Слушая его тексты этого периода, зал по-прежнему смеялся, но скорее реагируя на манеру исполнения, а не на содержание. А максимальной концентрации этот период в его творчестве достиг, на мой взгляд, в последние пять лет: абсолютно философские тексты, без стремления вызвать улыбку у слушателя.

В разговоре Михаил Михайлович оперировал не бытовыми фразами, а новыми смыслами, литературными конструкциями – каждое его слово можно было записывать. Любая его формулировка была абсолютно выверенной, математически точной. Он так точно подбирал слова и интонации для каждой мысли, что поменяй хотя бы букву, и смысл изменится. Это в равной мере относится и к его текстам, и к сценическим выступлениям, и к неформальному общению.

Думаю, что неповторимая легкость его текстов рождалась не в результате экспромтов, а благодаря долгому и упорному труду. Когда я попросил его написать вступление к моей первой книге, он подошел

к выполнению этой просьбы обстоятельно. Работа продолжалась несколько недель, а затем он выдал короткий искрометный текст, благодаря которому книга заиграла новыми красками. Впоследствии этот текст, посвященный одесской кухне, он читал на концерте в Киеве. «Я выступаю везде, но пишу только в Одессе», – говорил Жванецкий.

Одна из последних моих встреч со Жванецким тоже произошла на «Даче» – в новогоднюю ночь, когда встречали 2020-й. Тогда его выступление стало своеобразной «новогодней речью президента». Но президенты сменяют друг друга, а Жванецкий всегда останется с нами, и никто не сможет его заменить...